

© 2020 г.

А.В. ШИПИЛОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ. ЗАМЕТКИ ИЗ САМОИЗОЛЯЦИИ

ШИПИЛОВ Андрей Васильевич – доктор культурологии, профессор кафедры философии, экономики и социально-гуманитарных дисциплин, Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж, Россия (andshipilo@yandex.ru).

Аннотация. В статье обсуждается проблема связи условий трудовой деятельности с типом восприятия времени эпох преמודерна, модерна и постмодерна. Одной из черт текущего момента исторического развития стало обусловленное развитием телекоммуникационных технологий и усугубленное карантинными мерами, вызванными пандемией коронавируса, распространение надомной формы труда. При этом размываются границы между работой и домом. Складывается ситуация, являющаяся нормой доиндустриальной эпохи, когда крестьяне, ремесленники, рабочие, служащие и лица свободных профессий трудились, где жили, и жили, где трудились. С индустриальной революцией работа и дом были противопоставлены друг другу, став одной из причин формирования специфической темпоральности, где время стало векторным, мерным и ценным, что привело к историзации и самоисторизации общественного сознания. В постиндустриальную эпоху новое слияние работы и дома ведет к формированию неотрадиционной темпоральности. Ее специфика выражается в доминировании настоящего, вытеснении историзма презентизмом. Этим постмодерн уподобляется преמודерну: аналогом новой нормальности является не старая, а древняя, дольше всего существовавшая нормальность культуры охотников/собирателей.

Ключевые слова: работа • дом • труд • досуг • преמודерн • модерн • постмодерн • историзм • презентизм

DOI: 10.31857/S013216250009815-9

Социология социального будущего. В последние годы в отечественной и зарубежной социологии обозначился интерес к проблематике будущего [Лапаева, 2019: 3]. «Всплеск интереса к будущему можно оценить как характерную черту социологии и общественно-исторической панорамы мирового сообщества начала XXI в.», – отмечает Н.В. Романовский [2015: 15]. При этом в отличие от футурологии, понимаемой как предметная междисциплинарная область исследований, чья задача в пределе – предоставить человеку возможность «научиться сознательно управлять развитием, а значит, управлять будущим и управлять временем» [Селиванов, 2017: 17], речь идет о теоретической прогностике. Она присуща социологии с момента становления ее как науки, однако является не столько сильной стороной, сколько «ахиллесовой пятой» последней [Зборовский, 2013: 14]. Конструировать должное, дабы критиковать данное у основоположников и классиков получалось лучше, чем прогнозировать будущее. Вряд ли мы сегодня способны на принципиально иное. Но будущее общества и науки о нем взаимосвязаны, и если на данный момент «вопрос о возможностях социологии понимать и прогнозировать будущее формулируется как вопрос о ее способности к развитию» [Амбарова, 2017: 8], необходимо попытаться на него ответить.

Если в социальных науках все более заметен тренд к интер-, транс- и даже постдисциплинарности [Соколовский, 2016], то в социуме коррелятом выступает тенденция к, перефразируя Дюркгейма, объединению общественного труда. В силу автоматизации и роботизации экономики все больше профессий промышленности, торговли, транспорта и других сфер становятся на грань исчезновения. В два-три ближайших десятилетия ее могут пересечь таксисты, водители грузовиков и автобусов, продавцы, кассиры, бухгалтеры, консультанты, аналитики, страховые агенты, юристы, журналисты и т.д., вплоть до сакраментальных «врачей и учителей». Можно сказать, что речь идет о сокращении объема и роли труда в целом [Мартьянов, 2017: 142–144], но аспект депрофессионализации включает в себя не только уменьшение числа профессий, но и их слияние/замещение: дифференциация сменяется диффузией. Границы размываются не только между профессиями, но и между сферами общественного труда; привычные структуры размягчаются и плавятся, что З. Бауман выразил известной метафорой *liquid modernity*; по его замечанию, жидкости не склонны сохранять форму, для них пространственную определенность заменяет темпоральная текучесть [Бауман, 2008: 8, 32]. Мы можем констатировать, что данные характеристики имеют отношение и к социологии.

Социальное из предметного становится предикатным и мыслится не через различие, а через изменение. Вещь в статике отличается от иных и отождествляется с собой, тогда как в динамике – разождевается и сливается с иными, утрачивая собственную вещьность (бытие собой в отличие от других). Эта деэссенциализация/деэнтетизация наглядно выявляет себя в метафорике мобильности, текучести, потоковости и присущей всему этому темпоральности. «Текучесть и нестабильность отношений и форм организации социальной жизни» [Шурбе, 2013: 106] каузально или коррелятивно связываются с «необходимостью темпорализации социологии, с утверждением ее динамической сущности в подходах к исследованию общества», особенно если при этом речь идет о «социологии будущего» [Сивирин, 2018: 165]. Акцент делается «на процесс и изменение как на стержень социальной жизни»: «Нет стасиса, есть только процессы создания и трансформации, – утверждает Д. Урри. – Нет ничего до движения; движение выражает сущность вещей» [Урри, 2012: 113]. Здесь движение выражает собой не сущую, а бытийную сторону реальности/вещности; даже если не говорить о «мобильном повороте», несомненно, что представление о «динамическом устройстве общества» становится все более распространенным. Социальные объекты понимаются не как вещи, а как процессы, не как существующие, а как становящиеся. Согласно П. Штомпке, в теории деятельности и исторической социологии с конца прошлого столетия утвердилось положение о том, что социум представляет собой динамический процесс, непрерывный процесс изменений, что «общество скорее формируется, нежели существует, и при этом оно складывается скорее из событий, нежели из объектов» [Штомпка, 2005: 472, 546–549]. Социальная реальность теперь переживается в движении сквозь структуры и границы, что «ориентирует социологию на исследование темпоральной объектности» [Иванов, 2013: 10]. В первую очередь это характерно для исследований социального будущего [Иванов, Асочаков, 2016: 7].

Работа и дом в настоящем и прошлом. Будущее, кажется, наступило. Я пишу этот текст в начале мая 2020 г., находясь в режиме «самоизоляции». Ловлю себя на мысли, что с каждым днем мне все труднее различать – рабочий это день, выходной или праздничный, так как я работаю дома – и из дома, удаленно по отношению к аудитории и кафедре, которые в то же время приблизились на расстояние до монитора/клавиатуры. Дистанционная работа/учеба в одночасье стала реальностью миллионов людей нашей страны и сотен миллионов во всем мире. Трудно сказать, как долго это продлится (вероятные повторы волн пандемии COVID-19 вероятно приведут к повторному принятию карантинных мер), но очевидно, что в любом случае этот опыт останется и получит продолжение, стимулируя развитие данного вида трудовой деятельности. Меняется то, что назрело, начиналось и присутствовало. Дистантная работа в сети к 2020 г. получила широкое распространение в развитых и не очень странах, став одной из составляющих гибкой

занятости, характерной для *флексибельного* капитализма [Урри, 2012: 317; Поплавская, 2017: 176]. Даже если речь идет не о самоорганизующихся самозанятых [Ридли, 2015: 188; Карапетян, Меньшикова, 2018: 163], а о наемных работниках традиционных предприятий/заведений/учреждений, надомная форма трудовой деятельности в режиме онлайн ведет к стиранию различий «между днем и ночью, буднями и выходными, домом и работой, работой и развлечением» [Урри, 2012: 246], к размыванию границ «между рабочим местом, домом и общественными местами» [Стэндинг, 2014: 73]. Постоянно пребывая на связи, человек занимается домашними делами на работе и работает дома [Стэндинг, 2014: 212], причем весь его день (и часть ночи) является рабочим: «...то, что люди перестанут ходить на работу, парадоксальным образом означает, что они будут работать все время» [Шульман, 2017: 46]. В то же время верно и противоположное – работник весь день остается дома; суть в том, что труд, потребление, досуг сливаются воедино или, лучше сказать, *диффундируют* друг в друга, так что все труднее понять, где/когда в пространственно-временном отношении заканчивается одно и начинается другое.

Этой весной чуть ли не весь мир оказался в новом мире; впрочем, последний непривычен, но на самом деле далеко не нов – более того, исторически данное состояние является не новой, а хорошо забытой старой нормальностью. Взглянем на происходящее в традиции структурного функционализма. Там социальное развитие понималось как совокупность взаимосвязанных процессов деления и объединения, специализации и кооперации, дифференциации и интеграции сфер общественной жизни. Нынешняя цифровая революция заставляет вспомнить об исходном астрономическом значении данного понятия (*revolutio* – попятно-возвратное, круговое орбитальное движение). Если предшествующее можно назвать эволюцией, то последующее нужно именовать инволюцией. Становясь настоящим, социальное будущее все больше уподобляется социальному прошлому – по крайней мере, в отношении того, о чем говорилось выше. Действительно, в до- и даже раннеиндустриальную эпоху труд и дом, работа и отдых, приватное и официальное дифференцировались сравнительно минимально, так что все в том или ином смысле и степени являлись «надомниками», позднее разделение этих сфер было замедленным и неполным. Крестьяне и ремесленники не знали ни пенсий, ни отпусков. Даже офицеры и чиновники получали то или другое только в особых случаях по отдельному прошению. Чередование работы и отдыха регулировалось не трудовым законодательством, а временами года и церковным календарем. Это не значило, что люди все время работали. Рабочий день совпадал со световым и его продолжительность в течение года варьировала вдвое, а количество нерабочих (простойных, выходных, праздничных) дней даже в весьма суровых условиях мануфактур XVIII в. колебалось от 55 до 165. Проживали при этом работники на территории предприятий, как, впрочем, и владельцы и менеджмент последних (конечно, казармы первых отличались от особняков вторых), так что производственная и жилая зоны практически совпадали [Шипилов, 2009: 308–311, 374–375]. При рассеянной мануфактуре это совпадение было полным. Что же касается описанных В.А. Гиляровским городских московских мастеровых, то они работали, ели и спали в буквальном смысле на одном и том же месте [Гиляровский, 1985: 348–349]. Торговцы нередко имели лавку на первом этаже собственного дома. Государственным служащим квартиры часто предоставлялись непосредственно по месту службы, так что дом и учреждение находились в одном здании (например, московский почтамт находился в собственном доме почтмейстера, где одновременно жили канцеляристы и почтальоны [Шипилов, 2008: 313–314]; то же касается смотрителей почтовых станций и т.п.). Врачи и учителя вне стен больниц и школ либо приходили на дом, либо лечили/учили на дому (у себя, как булгаковский профессор Преображенский, или у нанимателя; существовали даже специальные звания «домашнего наставника» и «домашнего учителя»). У ремесленника дом и мастерская стояли в одном дворе; в крестьянском дворохозяйстве территориально-темпоральные несовпадения между работой и домом были еще меньше (особенно в течение полугода за пределами аграрного сезона) – если пахотный надел находился от двора на определенном

расстоянии, то огород, гумно, хлев были здесь же. Таким образом, домашняя работа до индустриальной революции была нормой, а цифровая в этом плане предстает контрреволюцией. Мы возвращаемся туда, откуда пришли.

Индустриальная темпоральность и историзм модерна. Пришли мы домой, откуда в индустриальную эпоху работник пять-шесть раз в неделю отправлялся на работу или службу и куда он через 8–12 часов возвращался для еды, отдыха и сна, посвящая остающееся время социализации. Наемный труд был последовательным и регулярным, требовал синхронизации операций, производимых людьми и машинами, и предполагал такую ментально-социальную модель восприятия и мышления времени, в которой последнее выступало векторным, мерным и ценным [Стэндинг, 2014: 206–210; Коновалов, 2019: 202, 210–212]. Темпоральная дисциплина капиталистического производства, поддерживаемая формализующе-регулирующими действиями рациональной бюрократии, привела к распространению концепции часового времени, опредмеченной в механических часах, календарях, ежедневниках и особенно железнодорожных расписаниях, позволивших обеспечить резко увеличившуюся циркуляцию потоков пассажиров и грузов ценой изменения способа мышления и культуры поведения [Урри, 2012: 212–213; Кастельс, 2016: 52; Люббе, 2019: 25–26, 313–314]. Социальное время качественно, его ритмика определяется спецификой коллективных интеракций и, прежде всего, хозяйственной деятельности [Сорокин, Мертон, 114–115; Шубрт, 2015: 5]. Требующиеся для координации и кооперации действий индивидов в больших обществах гомогенизация и унификация публичного времени осуществляются путем его квантификации за счет обращения к физическим и астрономическим процессам. Что, в свою очередь, имеет социокультурную обусловленность – «периоды, с помощью которых современные атомные часы отсчитывают время, все это можно рассматривать как ренатурализацию придуманных в культуре, точнее говоря, нормированных культурой периодов движения Солнечной системы, в соответствии с которыми мы отсчитываем в годах и секундах время жизни и время истории...» [Люббе, 2019: 363–364].

Можно сказать, что не в последнюю очередь именно благодаря присущей капиталистическому способу производства организации труда, предполагающей темпорально выверенную и транспортно упорядоченную последовательность передвижений между домом и работой, сформировался характерный для Нового времени историзм мышления, рассматривающий время как направленное и необратимое, оперирующий генетическими объяснениями событийности и приписывающий каждой сколь угодно продолжительной или непродолжительной эпохе качественную специфику, отличающую ее от прочих [Клейн, 2015: 55]. Настоящее стало пониматься как следствие прошлого и причина будущего и восприниматься как будущее прошлого и прошлое будущего: все три модальности времени стали взаимосвязанными. Ретроспективный интерес к прошлому выступил обратной стороной проспективного интереса к будущему. Как подчеркивает Г. Люббе, цивилизация модерна отличается не только «цветущим историзмом», но и стремлением к самоисторизации, когда современное рассматривается как будущее прошлого, объясняя примечательно высокий ценностный статус и того, и другого [Люббе, 2019: 54–58]. С одной стороны, разного рода объекты и артефакты здесь тем ценнее, чем более устарели, чем большими концентратами и консервами прошлого являются. С другой стороны, идеалы и утопии, раньше помещаемые в пространстве, теперь размещаются во времени – будущем времени, в котором начинают видеть «нечто лучшее, чем настоящее» [Люббе, 2019: 145]. З. Бауман также обращал внимание на присущее модерну новое содержание времени – «времени, имеющего историю и являющегося историей»: оно стало рассматриваться как переход от наличного настоящего к отличному от него – желаемому будущему. Именно туда отодвигалось вознаграждение труда, тогда как настоящее характеризовалось тактикой/практикой «промедления», где экономия ценилась выше расходования, работа – выше потребления и труд сам по себе был добродетелью. Соответственно, будущее получало приоритет, тогда как статус настоящего негативировался: «Само по себе настоящее время бессмысленно и бесполезно. По этой причине оно несовершенно, дефектно

и неполно. Значение настоящего находится впереди; оно воспринимается и оценивается как еще не осуществившееся, как то, что еще не существует» [Бауман, 2008: 168–171].

Постиндустриальная темпоральность и презентизм постмодерна. Сегодня, кажется, подлинно существует именно настоящее, и только оно и существует, несмотря на то, что продолжительность его стремится к нулю. Невероятно выросшая эффективность цифрового производства, скорость транспортировки товаров и предоставления услуг, объем циркулирующей по сетям информации сжимают время до беспредельно малой величины («нулевое время»), превращая его в тотальное «сейчас» [Бауман, 2008: 128; Фатенков, 2018: 136, 138]. Новый «мир категории сейчас» [Шваб, 2016: 71] пребывает в реальном времени, в режиме которого происходят глобальные финансовые транзакции; в «мгновенном времени» информационного общества диасхронные последовательности сменяются синхронными симультанностями, что лишает темпоральность постмодерна прошлого и будущего и замещает историзм презентизмом [Кастельс, 2016: 52, 69, 105]. Современный постсовременный человек живет в темпоральном режиме «моментального времени» («представление о времени как о текущем, относящемся только к настоящему мгновению» [Урри, 2012: 245]), он «не ждет долгосрочного результата, все интересно только сегодня, сейчас...» [Сидорина, 2018: 40]. В рамках перехода от тейлоризма к постфордизму нынешнему работнику оплачивают не рабочие часы, а достижение поставленной цели [Коновалов, 2019: 217], при этом креативно-проектный характер работы превращает ее в «одноразовый акт: хитрый прием мастера, ловкача, нацеленный на близкие по времени результаты и вдохновленный и ограниченный ими, в большей степени сформированный, чем формирующий, в большей степени результат погони за удачей, чем продукт планирования» [Бауман, 2008: 150]. Пролетариат и салиариат трансформируются в прекариат, который в силу своего перманентно нестабильного положения «понимает, что у всего, что он делает в настоящий момент, нет никакой проекции на будущее, как нет и самого будущего» [Стэндинг, 2014: 28]. «...[Э]ти люди живут сегодняшним днем (что чревато массовой неспособностью мыслить в долгосрочной перспективе), поскольку шансы карьерного роста или профессионального совершенствования для них очень малы». Ведущий «третичный образ жизни» прекарий «не контролирует свое время, у него нет ясного видения будущего и нет возможности опираться на прошлое» [Стэндинг, 2014: 39, 232]. В индустриальном обществе сутки делились на часы работы и отдыха, биография – на периоды учебы, работы и пенсии, при этом «понятие “временной интервал”, которым оперировало общество и производство, перекликалось с идеями фиксированного рабочего места и дома»; сегодня дело обстоит иначе, поэтому, пишет британский экономист и социолог, «нам следует разработать концепцию третичного времени, то есть такого распределения времени, которое подходило бы третичному (постиндустриальному) обществу, а не индустриальному или аграрному» [Стэндинг, 2014: 208–209].

Соответствующие концепции разрабатываются. Обзор последних дан в статье А.Б. Гофмана, где фигурируют «презентизм», «мгновенное время», «тирания момента» и даже «теперизм» (“nowism” – от английского “now”: понятие принадлежит канадскому историку Т. Бертману) [Гофман, 2017: 142–143]. В современном мире с возрастающей скоростью движется и меняется все – «человеческие тела, животные, растения, идеи, чувства, вещи, тексты, знания, верования, технологии, транспортные средства, финансы, образы и т.д.», что ведет к сжатию, фрагментации и дискретизации времени, отрыву настоящего от прошлого и будущего и поглощению последних первым: «Настоящее, с одной стороны, изолируется от прошлого и будущего, с другой – целиком подчиняет их себе. Прошлое и будущее если и не исчезают совсем из актуально функционирующей культуры, то низводятся до уровня эпифеноменов» [Гофман, 2017: 142]. Люди все меньше вспоминают прошлое и планируют будущее, они захвачены проживаемым/переживаемым настоящим, распространяется социальная амнезия и «культивируется представление о том, что история как будто вообще начинается только сейчас» [там же: 144]. Замечу: последнее свидетельствует скорее о том, что история сейчас заканчивается, не в смысле

прекращения самой событийности, а в смысле способа каузально мыслить последнюю. Впрочем, чтобы избежать ассоциаций с известными спекуляциями, лучше говорить о конце не истории, а историзма, но для этого следует обратиться к началу, но не историзма, а истории – и тому, что было до.

Аналогия с преמודерном: фуражерская темпоральность. До истории была доистория. Я имею в виду идею К. Ясперса о том, что история начинается вместе с письменностью, фиксирующей знание о прошлом и обеспечивающей возможность рефлексии на отличие от него настоящего, тогда как «доистория – поток различных изменений, однако в духовном смысле это еще не история, поскольку история возникает лишь там, где есть осознание истории, традиция, документация, осмысление своих корней и происходящих событий» [Ясперс, 1991: 56]. (Эта идея подробно разработана и фактологизирована Я. Ассманом. Изобретение письма позволило вынести сакральный текст из обряда, канонизировать его. Перестав меняться, он потребовал интерпретации. Так письменность позволила разделить и противопоставить старое и новое, прошлое и настоящее и тем самым обеспечила возможность истории [Ассман, 2004]). Историческое сознание нетрадиционно, оно, напротив, вырастает «из опыта своего устаревания», «включает опыт устаревания традиций, да и вообще возникает лишь благодаря такому опыту» [Люббе, 2019: 204]. Обычно традиционным культурам приписывают статичность. Но, не обладая письменностью, они, наоборот, динамичны в смысле изменчивости и вариативности и именно поэтому ориентированы на циклизм и постоянство; вместо интенсивной статики налицо экстенсивная динамика, ибо движения и изменения здесь столько, что все выглядит неизменным и неподвижным – дефицит статичного и стабильного минимизирует возможность отличить сдвинувшееся и переменявшееся [Шипилов, 2012: 341–342, 428–429]. Традиционность традиционных культур не как установка, а как подразумеваемый факт реального сохранения традиции есть пример анахронизма или, скорее, аутопроекции модерна на преמודерн. В архаических и/или фольклорных культурах, чьи языки не знают нормативной грамматики и тезауризированной лексики, где нет письменности и, следовательно, кодифицированного права, где вообще практически нечем «остановить мгновенье», все течет и меняется, так что действительная их заботленность на сохранение и воспроизведение норм и стандартов есть не следствие избытка, а свидетельство недостатка традиции.

Как пишет А.Б. Гофман, «сегодня все изменяется так быстро, что не успевает измениться» [Гофман, 2017: 145]; близким аналогом здесь является историческое вчера, а ближайшим – отдаленнейшее доисторическое позавчера. Стоит обратить внимание на удивительное сходство восприятия времени в постиндустриальном обществе с восприятием, характерным не только и даже не столько для доиндустриального, сколько для доаграрного общества, в условиях которого большая часть человечества провела большую часть своей планетарной истории. Foragers – этнографически известные примитивные (неспециализированные) охотники и собиратели, во многих отношениях напоминают нынешних «цифровых кочевников»: их социальная организация – network, их образ жизни – flow. Индивиды и семьи свободно циркулируют по не имеющим стабильного состава группам, понятие/право собственности на добычу, орудия и ресурсы размыто и неопределенно, высокая мобильность исключает возможность хранения, накопления и наследования имущества, и весь строй жизни характеризуется гибкостью – гибкостью, текучестью и непостоянством [Кабо, 1986; Артемова, 2009; Даймонд, 2016; Моррис, 2017]. Их культуру памяти характеризует тот факт, что стоянка, на которой кто-то умер, обычно покидается и забрасывается вместе с захоронением; но и о будущем они думают не больше, чем о прошлом, пребывая в «безвременном настоящем» [Клейн, 2015: 20]. Время фуражеров – нерасчлененная длительность, в их языках минимум грамматических средств для выражения временных отношений, характеристик действий во времени и обозначения самой категории времени [Леви-Брюль, 2002: 71, 365], так что «все время протекает вместе, как вечно продолжающееся настоящее» [Клейн, 2015: 20].

Быт южноамериканского племени пираха, живущего охотой, рыболовством и сбором съедобных растений, описывается наблюдателем (Д.Л. Эверетт) как не имеющий суточного цикла – они работают, едят, спят и общаются нерегулярными промежутками времени и днем, и ночью. Соответственно, в их языке отсутствуют такие лексические показатели, как утро и вечер, вчера, сегодня и завтра, и даже неделя, месяц и год. Отношение к прошлому характеризуется тем, что пираха не знают идеи творения и космогонического мифа, и в то же время «в их культуре не принято думать о будущем»; они «не хранят пищу, не планируют вперед больше чем на день, не обсуждают далекое будущее или прошлое – они сосредоточены на том, что есть сейчас, на непосредственно воспринимаемом мире» [Эверетт, 2016: 93, 143, 145, 354–355].

Аисторичность мышления, презентизм в восприятии времени, невыраженность пространственно-временных границ между трудом и досугом, работой и домом жителей амазонских лесов, разумеется, не тождественны, но замечательно эквивалентны аналогичным характеристикам образа жизни и способа мысли жителей современных мегаполисов. Они пользуются рыболовными сетями, мы – телекоммуникационными, но результат оказывается схожим. Это заставляет задуматься. «Быть может, нам грозит опасность вновь превратиться в людей каменного века, ибо мы, собственно говоря, никогда не перестаем ими быть», – писал К. Ясперс [Ясперс, 1991: 56]. Мне возможность такого превращения видится маловероятной: постмодерн – не обязательно постапокалиптика. Важнее вопрос, как нам оценить новую нормальность? Может быть, «возвращение домой» – действительно нормально? Может, это не так уж и плохо?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амбарова П.А. Будущее социологии и будущее общества // Социологические исследования. 2017. № 4. С. 8–10.
- Артемова О.Ю. Колоно Исава: Охотники, собиратели, рыболовы (опыт изучения альтернативных социальных систем). М.: Смысл, 2009.
- Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
- Гиляровский В.А. Москва и москвичи. М.: Правда, 1985.
- Гофман А.Б. Слишком быстро?! Культура замедления в современном мире // Социологические исследования. 2017. № 10. С. 141–150. DOI: 10.7868/S0132162517100166.
- Даймонд Дж. Мир позавчера. Чему нас могут научить люди, до сих пор живущие в каменном веке. М.: АСТ, 2016.
- Зборовский Г.Е. Теоретическая социология: QUO VADIS? // Социологические исследования. 2013. № 9. С. 14–23.
- Иванов Д.В. Этапы эволюции социологии и доминантные типы теоретизирования // Социологические исследования. 2013. № 9. С. 3–12.
- Иванов Д.В., Асочаков Ю.В. Социальное будущее в перспективе диалектической теории // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 3–12.
- Кабо В.Р. Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986.
- Карапетян Р.В., Меньшикова А.Г. Актуальность изучения труда возвращается?! (о Втором международном форуме труда) // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 162–164. DOI: 10.31857/S013216250000771-1.
- Кастельс М.В. Власть коммуникации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.
- Клейн Л.С. Время в археологии. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2015.
- Коновалов И.А. Рождение времени для труда: рецепция работы Эдварда Томпсона о возникновении капиталистического темпорального сознания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. XXII. № 1. С. 193–224. DOI: 10.31119/jssa.2019.22.1.9.
- Лапаева В.В. Постсоциалистическое будущее как предмет исследований социологии (с позиций цивилизма В.С. Нерсисянца) // Социологические исследования. 2019. № 3. С. 3–12. DOI: 10.31857/S013216250004273-3.

- Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет. СПб.: Европейский Дом, 2002.
- Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.
- Мартыанов В.С. Наше рентное будущее: глобальные контуры общества без труда? // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 141–153.
- Моррис И. Собиратели, земледельцы и ископаемое топливо. Как изменяются человеческие ценности. М.: Ин-т Гайдара, 2017.
- Поплавская А.А. Дезорганизация трудового ритма жизни и непостоянство в работе как скрытые черты системы гибкого капитализма. Рецензия на книгу: Snyder B.H. (2016) *The Disrupted Workplace: Time and the Moral Order of Flexible Capitalism*. Oxford: Oxford University Press // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 4. С. 176–180.
- Ридли М. Рациональный оптимист. М.: Эксмо, 2015.
- Романовский Н.В. Будущее как проблема современной социологии // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 13–22.
- Селиванов А.И. Познание будущего развивающихся социальных объектов // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 11–17.
- Сивиринов Б.С. Рец.: Волков Ю.Г. Социология будущего: социологическое знание и социальный проект. М.: Кнорус, 2017. 178 с. // Социологические исследования. 2018. № 5. С. 165–167.
- Сидорина Т.Ю. Жизнь без труда или труд во спасение? СПб.: Алетейя, 2018.
- Соколовский С.В. Будущее антропологии: кросс-, интер-, мульти-, транс-, а- или постдисциплинарность? // Сибирские исторические исследования. 2016. № 4. С. 12–29. DOI: 10.17223/2312461X/14/2.
- Сорокин П.А., Мертон Р.К. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 112–119.
- Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем, 2014.
- Урри Д. Мобильности. М.: Праксис, 2012.
- Фатенков А.Н. Эффективность как ложный ориентир развития общества? // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 135–145. DOI: 10.31857/S013216250000192-4.
- Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016.
- Шипилов А.В. Индустрия России первой половины XVIII века: промыслы, ремесло, мануфактура: Монография. Воронеж: ВГПУ, 2009.
- Шипилов А.В. Неистория. М.: Прогресс-Традиция, 2012.
- Шипилов А.В. Торговля, транспорт и связь в России первой половины XVIII века: Монография. Воронеж: ВГПУ, 2008.
- Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005.
- Шубрт И. Концепция социального времени в социологии – перспективный подход или теоретический тупик? // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 3–11.
- Шульман Е.М. Придется договариваться. Почему у горожанина будущего будут спрашивать про все // Горожанин: что мы знаем о жителе большого города? М.: Strelka, 2017.
- Шурбе В.З. Поколение хай-тек и «новый конфликт» поколений? // Социологические исследования. 2013. № 4. С. 100–106.
- Эверетт Д.Л. Не спи – кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей. М.: ЯСК, 2016.
- Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.

Статья поступила: 18.05.20. Принята к публикации: 07.06.20.

HOMECOMING. NOTES FROM SELF-ISOLATION

SHIPILOV A.V.

Voronezh State Pedagogical University, Russia

Andrey V. SHIPILOV, Dr. Sci. (Culturolog.), Prof., Department of Philosophy, Economics, Social and Humanitarian Disciplines, Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia (andshipilo@yandex.ru).

Abstract. The article discusses relationship of working conditions with the type of time perception the era of modern, postmodern and pre-modern. Sociology is increasingly turning to the problems of the social future, emphasizing fluidity and changeability as main characteristics of the emerging new society. One of these changes was the spread of the home-based form of work, which destroys boundaries between home and work, work and leisure. Such change was essentially due to the

development of telecommunication technologies intensified by quarantine measures against coronavirus pandemic. This brings about a situation that was the norm for the pre-industrial era when peasants, artisans, workers, office workers and people of free professions worked where they lived and lived where they worked. Only with the industrial revolution did work move away from home; this shift served as one of the reasons for the formation of a specific temporality. Such specific temporality is characterized by an increased value status of the past and the future, which resulted in the self-history of social consciousness of the modern era. On the contrary, with post-industrial counter-revolution a new merger of work and home leads to the formation of non-traditional temporality, specificity of which is expressed in dominance of the present. That dominance in turn results in the supplanting historicism by presentism. People begin to live by instants, moments, zero time, in the “now world”, where the past and the future are absorbed by the present. Individual thinking and social consciousness hereby become ahistorical. This postmodern is likened to pre-modern: the analogue of the new normality is not just the old one, but the ancient and longest existing normality of hunters and gatherers, and the author asks the question – perhaps, this is normal?

Keywords: work, house, labor, leisure, modern, pre-modern, postmodern, historicism, presentism.

REFERENCES

- Ambarova P.A. (2017) Future of Russia and Future of Society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 8–10. (In Russ.)
- Artemova O.Yu. (2009) *The Tribe of Esau: Hunters, Gatherers, Fishermen (Experience of Studying Alternative Social Systems)*. Moscow: Smysl. (In Russ.)
- Assmann J. (2004) *Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russ.)
- Bauman Z. (2008) *Liquid Modernity*. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Castells M. (2016) *Communication Power*. Moscow: Izd. dom Vyshey shkoly ekonomiki. (In Russ.)
- Diamond J. (2016) *The World Until Yesterday: What Can We Learn from Traditional Societies?* Moscow: AST. (In Russ.)
- Everett D.L. (2016) *Don't Sleep, There Are Snakes: Life and Language in the Amazonian Jungle*. Moscow: YaSK. (In Russ.)
- Fatenkov A.N. (2018) Is Effectiveness a False Landmark of Development of Society? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 135–145. (In Russ.) DOI: 10.31857/S013216250000192-4.
- Gilyarovskiy V.A. (1985) *Moscow and Muscovites*. Moscow: Pravda. (In Russ.)
- Gofman A.B. (2017) Too Fast?! The Culture of Deceleration in the Present-Day World. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 141–150. DOI: 10.7868/S0132162517100166. (In Russ.)
- Ivanov D.V. (2013) Stages of the Evolution of Sociology and Dominant Types of Theorizing. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 3–12. (In Russ.)
- Ivanov D.V., Asochakov Yu.V. (2016) Social Future in the Perspective of Dialectical Theory. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 3–12. (In Russ.)
- Jaspers K. (1991) *The Origin and Goal of History*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Kabo V.R. (1986) *Primitive Pre-agricultural Community*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Karapetyan R.V., Menshikova A.G. (2018) Is the Relevance of Labor's Studying Restored?! (About the Second International Forum of Labour). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 162–164. (In Russ.) DOI: 10.31857/S013216250000771-1.
- Klein L.S. (2015) *Time in Archeology*. Saint Petersburg: EVRAZIYa. (In Russ.)
- Konovalov I.A. (2019) Time for Labour and its Origins: E.P. Thompson on the Temporality of Industrial Capitalism. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 22. No. 1: 193–224. (In Russ.) DOI: 10.31119/jssa.2019.22.1.9.
- Lapaeva V.V. (2019) Post-Socialist Future as a Subject of Sociology Research (from the Standpoint of V. Nersesyan's Civilism Theory). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 3–12. (In Russ.) DOI: 10.31857/S013216250004273-3.
- Lévy-Bruhl L. (2002) *Primitive Mentality*. St. Petersburg: Evropeiskiy Dom.
- Lübbe H. (2016) *In the Course of Time: Shortened Stay in the Present*. Moscow: Izd. dom Vyshey shkoly ekonomiki. (In Russ.)
- Martianov V.S. (2017) Our Rental Future: Global Outlines of Labourless Society? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 141–153. (In Russ.)
- Morris I. (2017) *Foragers, Farmers, and Fossil Fuels. How Human Values Evolve*. Moscow: In-t Gaidara. (In Russ.)
- Poplavskaya A.A. (2017) Disruption of Labor Regime and Precarious Work as Hidden Features of Flexible Capitalism. Book Review: Snyder, B.H. (2016) *The Disrupted Workplace: Time and the Moral Order of Flexible Capitalism*, Oxford: Oxford University Press. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 18. No. 4: 176–180. (In Russ.)

- Ridley M. (2015) *The Rational Optimist: How Prosperity Evolves*. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
- Romanovskiy N.V. (2015) Future as a Problem of Contemporary Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 13–22. (In Russ.)
- Schwab K. (2016) *The Fourth Industrial Revolution*. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
- Selivanov A.I. (2015) Cognition of the Future of Social Development Objects. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 11–17. (In Russ.)
- Shipilov A.V. (2012) *Non-History*. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russ.)
- Shipilov A.V. (2009) *The Industry of Russia in the First Half of the 18th Century: Crafts, Handicraft, Manufactory*. Voronezh: VGPU. (In Russ.)
- Shipilov A.V. (2008) *Trade, Transport and Communications in Russia in the First Half of the 18th Century*. Voronezh: VGPU. (In Russ.)
- Šhubrt I. (2015) Concept of Social Time in Sociology – Promising Approach or a Theoretical Impassè? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 3–11. (In Russ.)
- Shulman E.M. (2017) Will have to Agree. Why will a Citizen of the Future be Asked about Everything. In: *Citizen: What do We Know about a Resident of a Big City?* Moscow: Strelka Press: 30–47. (In Russ.)
- Shurbe V.Z. (2013) A High-Tech Generation and a “New Conflict” between Generations? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 100–106. (In Russ.)
- Sidorina T.Yu. (2018) *Life without Work or Work for Salvation?* St. Petersburg: Aletheia. (In Russ.)
- Sivirinov B.S. (2018) Rev.: Volkov Y.G. Sociology of the Future: Sociological Knowledge and Social Project. Moscow Knorus, 2017. 178 p. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 165–167. (In Russ.)
- Sokolovskiy S.V. (2016) The Future of Anthropology: Cross-, Inter-, Multi-, Trans-, A- or Post-disciplinarity? *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research]. No. 4: 12–29. DOI: 10.17223/2312461X/14/2. (In Russ.)
- Sorokin P.A., Merton R.K. (2004) Social Time: A Methodological and Functional Analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 112–119. (In Russ.)
- Standing G. (2014) *The Precariat: The New Dangerous Class*. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)
- Sztompka P. (2005) *Sociology. The Analysis of Society*. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Urry J. (2012) *Mobilities*. Moscow: Praxis. (In Russ.)
- Zborovskiy G.E. (2013) Theoretical Sociology: QUO VADIS? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 14–23. (In Russ.)

Received: 18.05.20. Accepted: 07.06.20.